
ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

Б.А. БАРАБАШ *

РЕЛЯТИВИСТСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МАЛЫХ ГОСУДАРСТВ С ПОМОЩЬЮ ИНДЕКСА НАЦИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА И СОСЕДСТВА: ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Малые государства являются особой аналитической категорией в политологии, политической географии и международных отношениях, хотя данный термин не имеет четких, разделяемых всем научным сообществом границ, а его концептуализация зависит от целей конкретного исследования. Вместе с тем в самом широком смысле под малыми государствами понимаются такие страны, которые испытывают недостаток различного рода ресурсов и занимают периферийное положение в системе международных отношений. Существует множество способов концептуализации малых государств, учитывающих как количественные, так и качественные критерии, однако именно при релятивистском подходе учитывается контекст взаимоотношений государств и их диадные связи в рамках системы международных отношений. Пространственный статистический анализ и фактор соседства государств позволяют произвести релятивистскую концептуализацию малых государств более объективно и универсально, так как с их помощью учитываются все диадные связи между соседствующими государствами. Для достижения цели исследования используются индекс национального потенциала, демонстрирующий «жесткую силу», и пространственный лаг, позволяющий определить круг государств, потенциально испытывающих значительное влияние со стороны своих непосредственных соседей. Основными ограничениями исследования являются игнорирование изолированных островных

* **Барабаш Богдан Алексеевич**, аспирант, МГИМО МИД России (Москва, Россия); e-mail: bogdan.barabash.mgimo@gmail.com

государств, не имеющих непосредственных соседей, потенциальное влияние которых имеет другую логику, а также неучитывание факторов «мягкой силы», за счет которой малые государства занимают определенную нишу в международных отношениях. Вместе с тем подобный способ концептуализации позволяет по-новому взглянуть на термин «малые государства» в интересах дальнейших исследований данной аналитической категории.

Ключевые слова: малые государства; политическая география; соседство; пространственный статистический анализ; индекс национального потенциала; пространственный лаг; релятивизм.

Для цитирования: Барабаш Б.А. Релятивистская концептуализация малых государств с помощью индекса национального потенциала и соседства: пространственный статистический анализ // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 262–281. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.12>

Различные подходы к концептуализации малых государств

Малые государства представляют собой отдельную категорию анализа, имеющую эвристический потенциал для исследования политических образований, сталкивающихся с проблемами ограниченного суверенитета, недостатка материальных и нематериальных ресурсов, периферийного положения в международной политической системе, открытости к разного рода вызовам, кризисам, ловушкам развития и слабой защищенности, что в целом проявляет их ослабленные внешние аспекты суверенности и низкую статусность [Ильин, 2008, с. 29–30]. При этом, как отмечает Жозеп Коломер, наблюдается рост количества подобных неудавшихся, номинально суверенных, но изолированных государств [Colomer, 2007, р. X–XI]. Действительно, с момента разворачивания процессов деколонизации, распада федераций и империй, усиления национально-освободительных движений и ирредентизма, количество зависимых территорий и суверенных государств увеличилось с начала XX в. в 3 раза. При этом средний размер государств также пропорционально снизился. Представляется, что вышеназванные причины вкупе с активизацией деятельности малых государств в рамках нового глобализирующегося мира являются одними из основных факторов сохранения научного интереса к подобного рода политиям с различной степенью проблемности государственности [Окунев, 2011, с. 166–167]. Все они так или иначе связаны с проблемой государственной состоятельности, которая в целом характеризует возможности и способности отдельного государства

[Мелешкина, 2011, с. 11]. Ограниченность ресурсов как один из факторов государственной состоятельности, как представляется, является фундаментальным фактором, определяющим характер развития малых государств с точки зрения их политических институтов и формирования политической системы, отличающейся от политических систем более крупных государств, а также фактором, лимитирующим спектр решений, принимаемых политическими элитами малых государств, что в свою очередь влияет на положение государства в международной системе и определяет его место в мировом политическом процессе.

Отсутствие единого понимания к определению термина «малое государство», разделяемого всем научным сообществом, не должно умалять научный интерес к данной аналитической категории, как и любому другому неточному концепту в социальных науках [Baldacchino G., Wivel A., 2020, p. 3]. Необходимо отметить, что различные подходы к пониманию малых государств в рамках отдельных парадигм и дисциплин в свою очередь определяют и концептуализацию данного термина, а также методы его операционализации. При этом любая концептуализация малых государств строится на количественных (опирающихся на абсолютные статистические единицы и фундаментальные переменные государств) или качественных (так или иначе учитывающих контекст системы международных отношений, в рамках которой осуществляется функционирование малых государств в мировом политическом процессе) методах. В свою очередь, в рамках качественных методов можно выделить конструктивистские основания, которые строятся на принципах самоидентификации и автокатегоризации малых государств (например, на основе матрицы внешнеполитических целей, сформированной на основе заявлений лиц, принимающих решения, и документов, а также на экспертных мнениях), либо отношениях к ним как к таковым со стороны других государств, организаций и наднациональных структур [Maass, 2009, p. 79]. Последний метод можно также рассматривать в качестве отдельного релятивистского подхода к концептуализации термина, согласно которому малые государства могут быть признаны таковыми ровно постольку, поскольку существуют более крупные государства, и малые государства всегда являются заведомо слабыми в асимметричных отношениях с любым другим бо-

лее крупным государством, а также оказываются подверженными их влиянию [Thorhallsson, Wivel, 2006, p. 654].

С точки зрения базовых фундаментальных переменных, связанных с размером государства как такового, в рамках политической географии под малыми государствами в первую очередь понимаются такие суверенные государства, которые отличаются малой численностью населения и небольшой площадью. Именно данные критерии наиболее часто используются при концептуализации малых государств, хотя вопрос очерчивания их границ остается открытым, так как не существует легко различимых пороговых значений, которые наиболее эффективно отделяли бы малые государства от крупных [Willis, 2021, p. 20]. Можно выделить несколько наиболее часто встречающихся нижних отметок по численности населения – 500 тыс. человек, 1 млн человек (терминология ООН и Всемирного банка), 1,5 млн человек (терминология Содружества), 10 млн и 15 млн человек (по аналогии с численностью крупного мегалополиса); показатели выше, как правило, уже не отражают особенности демографической ситуации в малых государствах.

Рассмотрение малых государств с точки зрения политической экономии позволяет сделать вывод, что такие государства, как правило, обладают ограниченными природными ресурсами, не могут поддерживать реальный сектор экономики для развития своего конкурентного потенциала и могут лишь занимать определенную нишу в международных экономических отношениях за счет отдельных преимуществ, как правило, гиперболизированного третичного сектора экономики (например сферы туризма, банковских и аудиторских услуг, услуг офшорной зоны и т.д.), так как они не способны использовать «эффект экономии масштаба», а также ограничены размером внутреннего рынка [Alesina, 2003, p. 309].

В рамках теории международных отношений, геополитики и сравнительной политологии термину «малое государство» может присваиваться коннотация слабого государства, не способного реализовывать собственные интересы на мировой арене. Так, в ставшей уже классической классификации государств Роберта Кеохэйна под малым государством подразумевается такое государство, лидеры которого понимают, что оно не способно каким-либо образом существенно влиять на международную систему [Keohane, 1969, p. 296]. При этом мощь и слабость государств, в

отличие от базовых фундаментальных показателей численности населения и площади территории, могут операционализироваться по-разному. Так, они могут включать параметры, отражающие как материальные показатели (например уровень ВВП, степень диверсификации экономики, зависимость от иностранных материальной помощи, наличие собственной армии и др.), так и показатели, которые можно включить в так называемую «мягкую силу» (например степень привлекательности экономики для иностранных инвестиций, дипломатическая активность, участие в международных организациях и так далее). Операционализация мощи и слабости государств делает возможным составлять классификации и вырабатывать типологии государств в соответствии с теми наборами и типами ресурсов, которые у них присутствуют. При этом осуществлять ранжирование государств можно как по отдельным критериям (например экономическим и военным), так и по более сложным индексам, которые учитывают совокупный ряд параметров.

Стоит заметить, что в рамках данного направления концептуализации малых государств использование фиксированных и абсолютных показателей не является продуктивным, так как они меняются с течением времени, и границы определенных показателей, релевантных для малых государств, например по состоянию на момент распада колониальной системы в третьей четверти XX в., не являются актуальными для современности.

Кроме того, несмотря на то что размер государства имеет фундаментальное значение для формирования внутри- и внешнеполитического курса, политической культуры и системы координат для политических элит, изолированно данный параметр не представляет собой значительной исследовательской ценности. Помимо влияния размера государства наблюдается влияние и других переменных на функционально-динамическое и структурно-статическое измерение внутренней и внешней политики государства, которые составляют его функционирование в мировом политическом процессе. Так, следует привести пример города-государства Сингапур, занимающего мельчайшую территорию суши (и имеющего в своем составе собственно один город), играющего, однако, непропорционально важную роль в мировых экономических и финансовых отношениях.

В связи с этим следует отметить, что при релятивистской концептуализации термина (основанного на принципе относитель-

ности в рамках замкнутой системы международных отношений) данной проблемы можно попытаться избежать.

Релятивистская концептуализация термина

Использование релятивистских критериев при очерчивании границ группы малых государств призвано разрешить проблему отсутствия контекста при использовании сугубо количественных или качественных подходов. Все государства мира не существуют сами по себе и так или иначе включены в международную политическую систему: они имеют соседей, локализованы в конкретных пространствах и реализуют на практике разного рода отношения. Малые государства, определяемые как государства, имеющие ограниченные ресурсы и сталкивающиеся с «ловушками» развития, считаются малыми только потому, что существуют державы, которые обладают мощностью, обширными ресурсами и большим размером. Иначе говоря, малые государства являются таковыми по сравнению с крупными мощными державами, в чем и проявляется релятивистский подход.

Вместе с тем при анализе диадических отношений необходимо понимать, что одно и то же государство может являться как крупным по сравнению с более мелкими государствами, так и малым по сравнению с более крупными державами. Так, например, Р. Кеохэйн и Дж. Най отмечали, что такая крупная и развитая страна как Канада аналитически может являться малой по сравнению со своим мощным и влиятельным соседом – Соединенными Штатами Америки [Keohane, Nye, 1977, p. 202–204]. Подобный асимметричный подход в диадных связях позволяет открывать дополнительные исследовательские задачи и не только ограничиваться вопросом определения порогов термина «малое государство», так как позволяет классифицировать межгосударственные связи на основе тех показателей, которые обретают смысл в контексте [Long, 2017, p. 153]. Вместе с тем при механическом подходе, когда государство автоматически признается малым при наличии более крупной державы, все государства мира, кроме шести-семи стран, находящихся в авангарде развития и обладающих обширной территорией и большим населением, – можно считать малыми; однако в этом случае весь эвристический потенциал такой аналитической категории теряется.

Анализ малых государств в рамках отдельных регионов и региональных подсистем международных отношений позволяет сгладить данную проблему. Например, при анализе государств Европы логично выделить экономические и политические центры принятия решений, которые в то же самое время обладают обширными территориальными и демографическими ресурсами (Германия, Франция), считая их крупными, в то время как противоположные им государства (Швейцария, Андорра, Албания и т.д.) считать малыми. Подобные малые государства, как ожидается, будут иметь определенные модели поведения и стратегии поддержания безопасности, которые будут отличаться от моделей и стратегий региональных гегемонов. Их выделение является полезным при определении характера отношений между различными государствами в рамках одного регионального комплекса, но такой подход, как правило, не является универсальным и не может применяться в других регионах из-за использования сугубо качественных критериев или лишь ограниченного диапазона количественных критериев. Так, стоит отметить попытку совмещения количественных, качественных и релятивистских подходов, предпринятую хорватскими исследователями с целью нахождения нового способа концептуализации малых государств, в результате чего стало возможным выделение малых государств в 21 географическую и логико-интуитивную категорию, каждая из которых отражает собственные закономерности региональных взаимодействий. Вместе с тем, как признают сами исследователи, критерии выделения малых государств между всеми группами не всегда имеют общие основания, а потому зачастую работают только в рамках конкретного регионального контекста. Так, например, в группе малых государств Европейского союза выделяются 20 государств на основе глубины интеграции между государствами с компромиссной предельной численностью населения в 12 млн человек. Вместе с тем в группу малых центральноафриканских государств были включены такие государства, как ЦАР (на основании ее численности населения, слабости и замкнутого положения), Габон, Экваториальная Гвинея и Республика Конго (на основании численности населения и соседства с гораздо более крупными государствами, но несмотря на их богатые запасы нефти) [Revisiting the definition of small state ... , 2017, p. 135–138]. Подобная концептуализация является состоятельной для отражения осо-

бенностей конкретных географических регионов и групп государств, но затрудняет нахождение универсальных оснований.

Соседство и пространственный статистический анализ

При рассмотрении географических регионов на эмпирико-региональном основании, когда они выступают в качестве подсистемы в рамках международных, экономических, политических и других отношений с учетом реалистических категорий баланса сил, баланса мощи и правил поведения, пространственный фактор расположения государств следует признать определяющим. Именно факт территориальной близости (удаленности) различных государств как между собой, так и в отношении держав, являющихся центром или составляющими полюса территориальной единицы, определяет их статус в рамках данного региона [Воскресенский, 2012, с. 32–33]. При таком понимании диадных связей логика строится на том факте, что при соседстве двух государств, одно из которых является относительно крупным и мощным, сосед данного государства автоматически признается малым по отношению к нему, что в свою очередь определяет способы их взаимодействия, накладывает ограничения на внешнеполитическое поведение малого государства и его внутривнутриполитическое развитие, но теоретически также может давать ему определенные преимущества. В этой связи в теории международных отношений выделяют противоположные стратегии балансирования (объединения с другими малыми государствами) и бэндвэгонинга (объединения с самым крупным государством) [Walt, 2003, p. 112]. При этом степень интеграции и синхронизации политических курсов в обеих стратегиях определяется не только поведенческими и динамическими факторами, но и структурно-статическими. Иначе говоря, в рамках одного региона важно понимание всего комплекса диадных связей между государствами в определенный момент времени.

Если отойти от принципа регионализма, поднявшись на более высокий уровень абстракции, и попытаться рассмотреть соседство как основной фактор определения того, какое государство является малым, а какое крупным (мощным), появляется возможность провести универсальный анализ государств, имеющих соседей по сухопутным границам.

Необходимость учета диадных отношений всех соседствующих государств мира обосновывает использование методов пространственного статистического анализа. Принцип, согласно которому расположение в пространстве влияет на свойства объекта, лежит в основе пространственного анализа как эмпирической отрасли географической науки [Окунев, 2020, с. 7]. Представляется, что методы пространственного анализа при определении малых государств, концептуализируемых как государства, соседствующие с более крупными и мощными государствами, позволяют разрешить проблему субъективного выделения математических порогов при использовании сугубо количественных критериев (например нижние границы по таким параметрам, как площадь территории, количество населения, размер ВВП и т.д.). Кроме того, это делает возможным проведение более универсального анализа, используя логику исследования отдельных региональных подсистем при изучении малых государств всей мировой политической системы. Использование компьютерного моделирования в геоинформационных системах с пространственной эконометрикой и математической статистикой делают возможным выполнение данных задач. Для цели настоящего исследования используется сводный индекс национального потенциала (CINC) – показатель национальной мощи, разработанный Дж. Дэвидом Сингером для проекта *Correlates of War* в 1963 г., взятый по состоянию на 2016 г.¹ Данный индекс учитывает шесть показателей «жесткой силы»: численность страны, численность городского населения, производство чугуна и стали, потребление первичной энергии, военные расходы, численность армии. Представляется, что данный индекс позволяет не только оценить совокупную мощь государств и сравнить их потенциалы, но и определить, какие из государств являются малыми на основе релятивистского подхода. Использование данного индекса представляется целесообразным, так как он вбирает в себя один из фундаментальных показателей государства (численность населения) и связывает его как с экономическими, так и военными параметрами, которые косвенно могут отражать потенциальную

¹ National material capabilities (v6.0) / The correlates of war project. – Mode of access: <https://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities> (accessed: 21.06.2022); Методы и методология сбора данных «National material capabilities» [Singer, Bremer, Stuckey, 1972].

влиятельность государств. Кроме того, данный индекс доступен для всех суверенных государств и рассчитывается объективно. Индекс принимает значения от 0,0000002 (Тувалу) до 0,23 (Китай), несuverенные территории при анализе распределения индекса не учитываются.

При построении картограммы¹ с применением шкалы естественных интервалов особо выделяются как наиболее мощные государства центры региональных подсистем международных отношений и члены «Группы двадцати»; при этом Китай, Индия, США, а также Россия, Бразилия, Республика Корея располагаются в самом верхнем диапазоне (рис. 1). В нижнем кластере ожидаемо находятся государства, обладающие низкой состоятельностью: государства с развивающейся экономикой, государства, полностью окруженные сушей, государства, находящиеся на стыке нескольких региональных подсистем и другие. 47 государств относятся к самому низкому эшелону по индексу национальной мощи, из них абсолютное большинство составляют островные государства Тихого океана и Карибского бассейна (Науру, Палау, Сент-Китс и Невис, Доминика, Гренада и другие), а также микрогосударства Европы (Сан-Марино, Монако, Андорра и прочие). Наивысший показатель по численности населения на 2020 г. приходится в этом кластере на государство Ямайка (2,9 млн человек² и 12 тыс. км²), по площади территории – на государство Гайана (214 тыс. км²). Следующему эшелону принадлежит 21 государство, среди них чаще других встречаются страны Восточной Европы, Центральной Америки, Африки и Центральной Азии. Таким образом, при учете государств первых четырех эшелонов, можно сделать вывод, что 116 государств имеют ограниченный ресурсный потенциал и могут принадлежать к категории малых. В целом данное число сравнимо с количеством малых государств – согласно выводам коллектива хорватских исследователей, которые интегрировали количественные, качественные и релятивистские критерии в попытке погрузить термин в контекст международно-политической среды [Kurecic, Kozina, Kokotović, 2017].

¹ World Borders Dataset. TM_WORLD_BORDERS-0.3. zip – Mode of access: http://thematicmapping.org/downloads/world_borders.php (accessed: 21.06.2022).

² The World Bank. Population. Total – Mode of access: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (accessed: 21.06.2022).

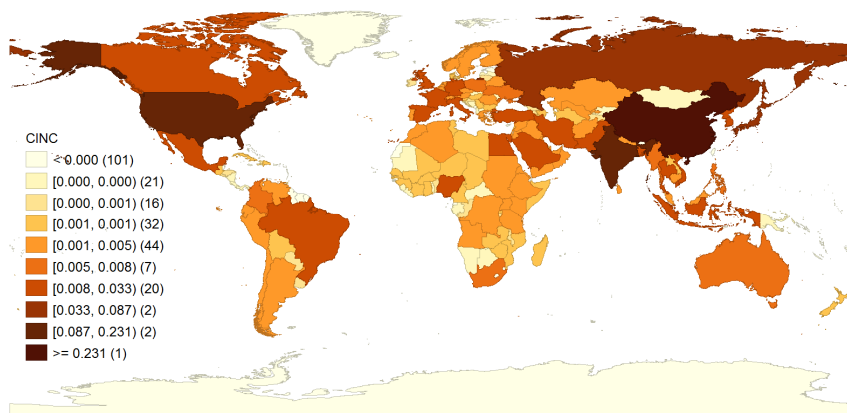

Рис. 1.
**Картограмма распределения индекса
 национального потенциала¹**

Вместе с тем данная картограмма показывает только национальную мощь государств. Выводы о том, какие государства могут потенциально являться малыми в соответствии с релятивистским подходом на основе данного показателя, не будут учитывать диадные отношения между государствами. Для применения релятивистского подхода необходимо принимать во внимание потенциальные связи между государствами, которые имеют общую сухопутную границу. Вместе с тем характер отношений между соседствующими государствами сложен и многосоставен, однако представляется, что операционализация фактора, основанного на диадных связях и определяющего, какое государство будет считаться малым, может быть произведена через индекс подверженности потенциальному влиянию. Основная гипотеза состоит в том, что малыми государствами при релятивистской концептуализации будут являться такие страны, которые окружены более сильными и крупными соседями. При этом наличие нескольких крупных соседей для малого государства будет означать потенциальное увеличение влияния на него. И наоборот, если государство окружено малыми

¹ Картограммы выполнены с использованием программного обеспечения GeoDa. – Mode of access: <https://geodacenter.github.io/index.html> (accessed: 16.07.2022).

государствами, влияние на него будет ограничено, и оно само скорее будет являться центром потенциального осуществления влияния.

При формировании матрицы соседства по смежности согласно правилу ферзя из анализа исключаются островные государства – как микросоциальства Тихого и Индийского океанов, Карибского и Средиземного морей, так и такие крупные государства как Филиппины, Австралия, Япония, Новая Зеландия и другие. Безусловно, в данную группу государств включены как объективно малые зависимые страны, так и крупные региональные державы. Вместе с тем логика соседства между островными государствами подчиняется несколько другим закономерностям, нежели логика соседств государств на суше, а потому эти страны намеренно исключены из данного исследования.

В результате обнаруживается 166 государств, имеющих от одного до 17 соседей (рис. 2), при этом чаще всего государства имеют от двух до пяти соседей, а начиная с шести соседей это проявление можно считать редким. На основе сформированной матрицы пространственных весов необходимо рассчитать пространственный лаг, понимаемый как сумма значений показателей индикатора CINC в соседних государствах, граничащих с государством i , исключая значение показателя для самого государства.

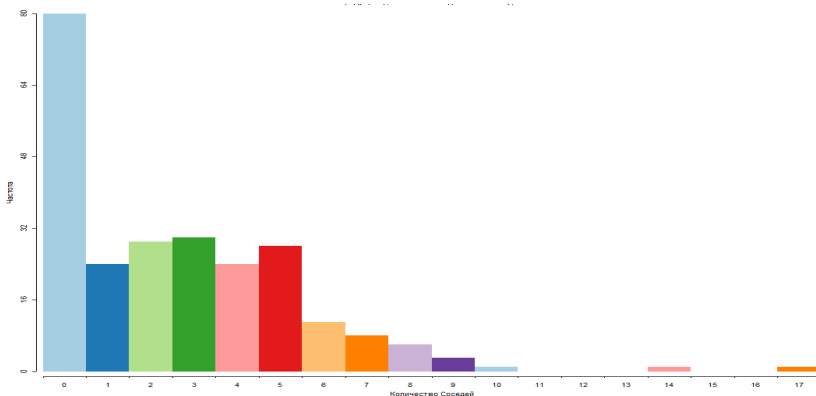

Рис. 2.

Гистограмма распределения соседствующих государств¹

¹ Минимальное и максимальное значения горизонтальной оси «Количество соседей» – 0 и 17 с шагом 1.

В результате формируется переменная LAG, которая демонстрирует степень подверженности совокупному потенциальному влиянию, которое оказывается на государство *i* со стороны его соседей. Как видно из картограммы, наиболее подверженными потенциальному влиянию государствами являются Пакистан, Мьянма, Бутан и Непал, которые соседствуют с Китаем, обладающим наивысшим значением индекса национального потенциала, и весьма влиятельной Индией (рис. 3). Вместе с тем только Бутан и Непал представляют собой типичные малые государства с соответствующими показателями численности населения и площади территории. Парадоксально, но Россия занимает 7-е место по индексу подверженности потенциальному влиянию, так как, с одной стороны, она соседствует с мощным Китаем, а с другой – дополнительно имеет 13 соседей, которые в совокупности превышают индекс национального потенциала страны, взятого в данной концептуализации. При этом и сами крупные державы, и региональные центры могут оказаться подвержены потенциальному влиянию со стороны своих соседей, именно поэтому Китай, Индия, США и другие крупные государства находятся примерно в среднем диапазоне шкалы. Примечателен пример США, для которых Канада и Мексика, по сути, являются малыми государствами, как ранее и концептуализировали Дж. Най и Р. Кеохэйн [Keohane, Nye, 1977].

Вместе с тем стоит отметить, что наименее подвержены влиянию государства, имеющие одного относительно слабого соседа (Доминиканская Республика и Великобритания могли бы быть исключены из анализа как островные государства, однако они имеют сухопутную границу с другим государством, располагающимся на одном острове), либо окруженные рядом слабых соседей – например Коста-Рика, Гамбия, Никарагуа, Сьерра-Леоне. При таком подходе государства Африки, Южная Европа, Балканы и Юго-Восточная Азия практически не испытывают потенциального влияния со стороны своих соседей, образуя отдельные группы стран. Разумеется, диадные отношения между не соседствующими государствами, которые могут активно влиять на весь комплекс функционирования государств в мировом политическом процессе

в целом и на политику друг друга в частности, в данном анализе не учитываются, так как подобные отношения не являются пространственно локализованными. Однако представляется, что такое распределение переменных может показать наиболее напряженные географические зоны, в рамках которых потенциально могут сталкиваться интересы крупных государств с малыми государствами (либо в случае синхронизации политических курсов может наблюдаться синергетический эффект сотрудничества). С другой стороны, там, где показатели подверженности потенциальному влиянию низки, государства имеют схожие ресурсы и паритетные отношения, строящиеся на принципах равенства. При этом важно упомянуть, что данный индекс не объясняет фактор конфликтности, так как, например, схожие высокие показатели в Европе между крупными государствами на практике реализуются в отношениях сотрудничества, а в Южной Азии, например между Пакистаном и Индией, трансформируются в антагонистические основания. Схожее расхождение может наблюдаться и в Центральной Америке, Южной и Восточной Африке, а также на Балканах – регионах, в которых относительно низкий индекс национального потенциала. Эти кластеры (всего 25 государств) особенно очевидны при формировании картограммы пространственной автокорреляции, демонстрирующей схожесть соседних государств по индексу подверженности потенциальному влиянию на принципе расчета ожидаемых значений (рис. 4). В таких кластерах между государствами наблюдается паритет отношений, и, хотя сами по себе они не являются признаком отсутствия малых государств в географическом регионе, факт локализации соседствующих государств с сопоставимыми показателями национального потенциала может указывать на наличие особенностей взаимоотношений данных государств, не наблюдаемых в других регионах, что в свою очередь может определять конкретные модели поведения и развития.

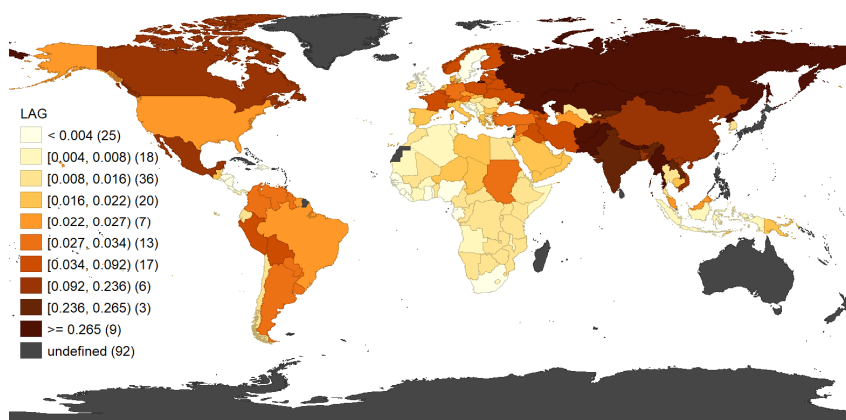

Рис. 3.
Картограмма распределения индекса подверженности
потенциальному влиянию

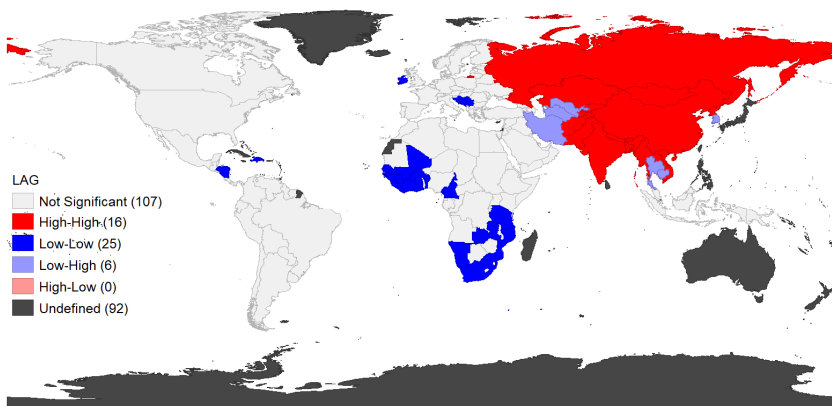

Рис. 4.
Картограмма пространственной автокорреляции

Также стоит отметить, что так как индекс подверженности потенциальному влиянию соседей для государства i строится с учетом общего количества соседей, наблюдается разрыв между теми странами, которые соседствуют с одной страной, и теми государствами, которые имеют значительное количество соседей. При пропорциональном распределении индекса согласно числу соседей показатели для стран Азии немного выравниваются, хотя и остаются достаточно высокими чтобы находиться на вершине диапазона (рис. 5).

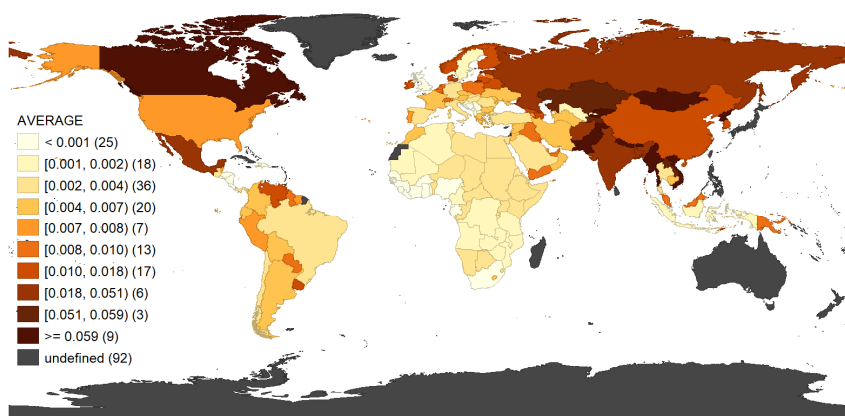

Рис. 5.

Картограмма пропорционального распределения индекса подверженности потенциальному влиянию на одного соседа

Наконец, основываясь на индексе национального потенциала, можно разделить малые государства в соответствии с выработанным индексом подверженности потенциальному влиянию, оказываемому соседними государствами, на три группы по степени проявления признака (островные государства, как было сказано ранее, исключены из анализа) (рис. 6).

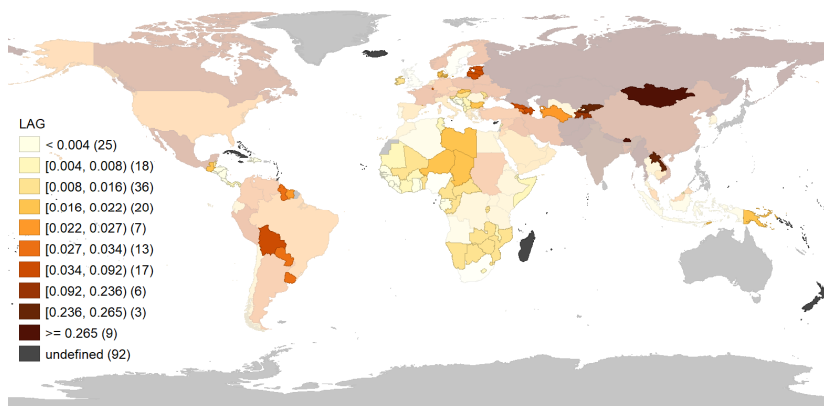

Рис. 6.

Картограмма распределения индекса подверженности потенциальному влиянию

Таблица

Распределение индекса подверженности влиятельности со стороны граничащих соседей среди государств с низким показателем индекса национального потенциала

Высокий показатель (16)	Бутан, Монголия, Лаос, Киргизстан, Таджикистан, Азербайджан, Грузия, Литва, Латвия, Эстония, Боливия, Люксембург, Армения, Парагвай, Уругвай, Гайана
Средний показатель (19)	Туркменистан, Суринам, Ливия, Болгария, Андорра, Нигер, Словакия, Чад, Дания, Папуа – Новая Гвинея, Восточный Тимор, Гватемала, Белиз, Словения, Венгрия, Ирландия, Монако, Замбия, ЦАР
Низкий показатель (48)	Сан-Марино, Мозамбик, Намибия, Бенин, Камерун, Республика Конго, Руанда, Молдавия, Мали, Зимбабве, Ботсвана, Бурунди, Эсватини, Панама, Джибути, Ливан, Лесото, Сомали, Мавритания, Сербия, Тунис, Буркина-Фасо, Северная Македония, Малави, Бруней, Албания, Кот-Д'Ивуар, Гвинея, Хорватия, Лихтенштейн, Гана, Того, Либерия, Габон, Сенегал, Черногория, Бахрейн, Гондурас, Экваториальная Гвинея, Сальвадор, Босния и Герцеговина, Гвинея-Бисау, Гаити, Сьерра-Леоне, Никарагуа, Гамбия, Коста-Рика, Доминиканская Республика
Островные государства* (33)	Маршалловы острова, Палау, Самоа, Сент-Винсент и Гренадины, Тувалу, Сан-Томе и Принсипи, Тонга, Тринидад и Тобаго, Сент-Люсия, Сейшельские острова, Сент-Китс и Невис, Новая Зеландия, Науру, Вануату, Мальдивские острова, Мальта, Маврикий, Мадагаскар, Кирибати, Ямайка, Исландия, Гренада, Федеративные штаты Микронезии, Фиджи, Доминика, Кипр, Кабо-Верде, Куба, Коморские острова, Соломоновы острова, Багамские острова, Барбадос, Антигуа и Барбуда

* Исключены из анализа.

Проведение подобной концептуализации представляется обоснованным по нескольким причинам. Во-первых, данный подход учитывает пространственную локализацию малых государств относительно крупных и контекст отношений между ними на универсальной основе, погружая конкретные показатели в контекст международно-политический, а не рассматривая их изолированно. Во-вторых, подобное группирование малых государств позволяет обратить внимание исследователей на особый тип взаимодействия, складывающийся между малыми государствами и их соседями, оказывающий влияние не только на внутреннее развитие институтов соседствующих государств, но и на их внешнеполитическое взаимодействие, которое имеет непохожую логику развития при различных значениях показателей. Наконец, подобная классификация позволяет показать дополнительные параметры отличий между малыми государствами в рамках самой аналитической группы, с учетом логики поиска наибольших различий, принимая во внимание отсутствие единого подхода к концептуализации термина, что позволяет наполнять его отдельными кейсами, исходя из целей исследования.

При этом применение индекса национального потенциала является лишь одним из способов задействования релятивистского подхода к концептуализации малых государств. Экономическая состоятельность, дипломатическая активность, степень безопасности и развития институтов демократии, зависимость от международной помощи и многие другие параметры могут также выступать в качестве отдельных факторов, определяющих способы концептуализации малых государств в частности и политий с ограниченной государственной состоятельностью вообще.

B.A. Barabash *

Relativistic conceptualization of small states via composite indicator of national capability and neighborhood: spatial statistical analysis

Abstract. Small states constitute a special analytical category in political science, political geography and the theory of international relations, even though the term is not universally agreed-upon, and its conceptualization depends on the aim of a par-

* **Barabash Bogdan**, MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: bogdan.barabash.mgimo@gmail.com

ticular study. Broadly speaking, small states are those countries that lack various kinds of resources and occupy a peripheral position in the system of international relations. There are many ways to conceptualize small states that take into account both quantitative and qualitative criteria, but it is with the relativistic approach that the context of the relationship between states and their dyadic links within the framework of the system of international relations is taken into account. Spatial statistical analysis and the factor of the neighborhood enable a relativistic conceptualization of small states more objectively and universally, since they take into account all dyadic connections between neighboring states. To achieve the aim of the study, composite indicator of national capability demonstrating “hard power” and spatial lag are employed to determine the range of states potentially experiencing significant influence from their immediate neighbors. The main limitations of the study is omission of isolated island states that do not have immediate neighbors, whose potential influence is different, as well as lack of “soft power” factors, with the help of which small states occupy a certain niche in international relations. Such a method of conceptualization allows scholars to take a fresh look at the term «small states» for further research of this analytical category.

Keywords: small states; political geography; neighborhood; spatial statistical analysis; spatial lag; relativism; composite indicator of national capability.

For citation: Barabash B.A. Relativistic conceptualization of small states via composite indicator of national capability and neighborhood: spatial statistical analysis. *Political science (RU)*. 2022, N 4, P. 262–281. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.12>

References

- Alesina A. The size of countries: does it matter? *SSRN electronic journal*. 2003, Vol. 2–3, P. 301–316. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.343785>
- Baldacchino, G., Wivel A. *Handbook on the Politics of Small States*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2020, 448 p. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781788112932>
- Colomer J.M. *Great empires, small nations: the uncertain future of the sovereign state*. New York: Routledge, 2007, 128 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203946046>
- Ilyin M.V. Is a universal typology of States possible? *Political Science (RU)*. 2008, N 4, 8–34 p. (In Russ.)
- Keohane R.O., Nye J.S. Power and interdependence: world politics in transition. In: Kailitz S. (Hrsg). *Schlüsselwerke der Politikwissenschaft*. Boston: Little, Brown, 1977, P. 205–209. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-531-90400-9_56
- Keohane R.O. Lilliputians’ dilemmas: Small states in international politics. *International organization*. 1969, Vol. 23, N 2, P. 291–310. DOI: <https://doi.org/10.1017/s002081830003160x>
- Kurecic P., Kozina G., Kokotović F. Revisiting the definition of small state through the use of relational and quantitative criteria. In: *Book of proceedings. 19th International scientific conference on economic and social development*. Melbourne: Varazdin development and entrepreneurship agency, 2017, P. 129–142.

- Long T. It's not the size, it's the relationship: from 'small states' to asymmetry. *International politics*. 2017, Vol. 54, N 2, P. 144–160. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41311-017-0028-x>
- Maass M. The elusive definition of the small state. *International politics*. 2009, Vol 46, N 1, P. 65–83. DOI: <https://doi.org/10.1057/ip.2008.37>
- Meleshkina E.Y. Studies of stateness: what lessons can we draw? *Political science (RU)*. 2011, N 2, P. 9–25 (In Russ.)
- Okunev I.Y. Political and geographical aspects of statehood (analysis of the experience of microstates). *Political Science (RU)*. 2011, N 4, P. 162–173. (In Russ.)
- Okunev I.Y. *The basics of spatial analysis*. Moscow: Aspect-Press, 2020, 255 p. (In Russ.)
- Singer J.D., Bremer S., Stuckey J. Capability distribution, uncertainty, and Major Power War, 1820–1965. In: Russett B. (ed.). *Peace, war, and numbers*. Beverly Hills: Sage, 1972, P. 19–48.
- Thorhallsson B., Wivel A. Small states in the European Union: what do we know and what would we like to know. *Cambridge review of international affairs*. 2009, Vol. 19, N 4, P. 651–668. DOI: <https://doi.org/10.1080/09557570601003502>
- Voskresensky A.D. Concepts of regionalization, regional subsystems, regional complexes and regional transformations in modern international relations. *Comparative politics*. 2012, N 2 (8), P. 30–58. (In Russ.)
- Walt M.S. Alliances: balancing and bandwagoning. In: Art R., Jervis R. *International politics: enduring concepts and contemporary issues*. New York: Longman, 2003, P. 124–131.
- Willis J. Breaking the paradigm (s): A review of the three waves of international relations small state literature. *Pacific dynamics: journal of interdisciplinary research*. 2021, Vol. 5, N 1, P. 19–32. DOI: <http://dx.doi.org/10.26021/10639>

Литература на русском языке

- Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. – 2012. – № 2 (8). – С. 30–58.
- Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. – 2008. – № 4. – С. 8–34.
- Мелешикина Е.Ю. Исследования государственной состоятельности: какие уроки мы можем извлечь? // Политическая наука. – 2011. – № 2. – С. 9–25.
- Окунев И.Ю. Политико-географические аспекты государственности (анализ опыта микросоциальных государств) // Политическая наука. – 2011. – № 4. – С. 162–173.
- Окунев И.Ю. Основы пространственного анализа. – М.: Аспект Пресс, 2020. – 255 с.